

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО КЫРГЫЗСТАНА

Р.Д. Стамова, д-р филос. наук, профессор

Институт философии им. академика А.А. Алтмышбаева Национальной академии Кыргызской Республики
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-78-84

Аннотация. С момента распада СССР и обретения суверенитета Кыргызстаном, как и всеми остальными постсоветскими республиками, перед государством и интеллектуальной элитой новообразованной республики возникла проблема создания благоприятной для развития и процветания политической и экономической атмосферы. Попытки резко перестроиться на рыночную систему отношений не то, что бы были неплодотворными, безуспешными, но дали, во всяком случае в первые два-три десятилетия, контрпродуктивный результат в виде резкого экономического спада, обеднения значительной части населения страны, криминализации общества, интеллектуальной и духовной дезориентации значительной его части разочарования в реформационных процессах, и многих других негативных последствий. В статье анализируются попытки сформировать общенациональную идеологию в Кыргызстане и причины, по которым так и не удалось сделать этого до настоящего времени.

Ключевые слова: идеология; общенациональная идеология; язык; глобализация; национальная идея.

Одним из следствий распада Советского Союза стал охвативший практически все новообразованные 15 новых государств системный кризис, который затрагивал основные сферы общественного и личного бытия. В научной и интеллектуальной среде основная причина кризиса виделась в том, что общество в целом дезорганизовано и дезориентировано и не видит ни ориентиров, ни конкретных целей дальнейшего развития, ни идеалов и т.д. И в обществе вызрела идея о том, что необходимо – для того, чтобы преодолеть кризис, – выработать приемлемую для общества и государства идеологию, в которой содержались бы эти ориентиры, цели, идеалы и т.д.

Согласно одному из определений идеологии, она является не чем иным, как понятием «посредством которого традиционно обозначается совокупность идей, мифов, преданий, политических лозунгов, программных документов партий, философских концепций; не являясь религиозной по сути, идеология исходит из определенным образом познанной или «сконструированной» реальности, ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание» [1, с. 256].

Несмотря на то, что на практике идеология действительно нередко использовалась и используется политиками, наиболее влиятельными группами людей, классами и государством с целью манипулирования и управления людьми, обществом в целом «путем воздействия на их сознание», тем не менее такая трактовка идеологии, по нашему мнению, носит ограниченный, неполный и несколько упрощенный характер.

Суть в том, что любой индивид формируется и существует, как человек, как социально значимая, полноценная личность, в мире идей. В строгом смысле человек – это существо, которое способно воспринимать, понимать и использовать в своей повседневной жизни и деятельности те или иные идеи, мысли. Идеология – это всего лишь достаточно специфическая часть мира идей. Но, с другой стороны, она выполняет достаточно большое значимых, существенных функций, среди которых такие, как:

– интегративная, то есть объединительная, консолидирующая или, напротив, если она направлена на враждебные, оппонирующие группы, социум, класс, народ, государство, разобщающая, дезинтегрирующая;

– компенсаторная, то есть возмещающая, приспособляющая, адаптирующая;

– мотивационная, то есть стимулирующая, побудительная, поощрительная, одобрительная:

– познавательная, то есть обучающая, когнитивная, информативная, образовательная;

– функция социализации, то есть усвоения индивидом принятых в обществе образцов поведения, социальных норм и ценностей, знаний, навыков и т.д., без которых не может существовать и функционировать само общество [2, с. 291].

Все указанные функции параллельно с идеологией выполняют также другие институты и феномены, как мораль и религия. Однако важна роль и самой идеологии, что, собственно, и объясняет постоянное обращение государства и политиков к идеологии, а вернее, к необходимости ее формирования.

Собственно, в Кыргызстане в конкретных исторических условиях государством и политиками преследовалась задача создания благоприятных условий для дальнейшего успешного социально-экономического развития, а идеология рассматривалась как один из важных инструментов, без которого невозможно либо очень затруднительно создание таких условий. Национальная идеология должна была в первую очередь способствовать установлению в обществе гражданского мира и стабильности, бесконфликтного сосуществования различных этнических и социальных групп.

Уже в период правления первого президента Кыргызстана политическим руководством страны были предприняты первые попытки создания такой идеологии или, вернее, формулирования ряда идей, которые:

– во-первых, способствовали установлению гражданского мира и стабильности в стране или во всяком случае заметно понизили конфликтный потенциал;

– во-вторых, были реальным ориентиром для дальнейшего социально-экономического, культурного и политического развития общества и страны;

– в-третьих, содержали, хотя бы в общих чертах, цели, стимулы и идеалы экономического и прочего развития;

– в-четвертых, консолидация общества, способного действовать как единый и эффективный политический и экономический организм.

Следует отметить, что до настоящего времени эти идеи, с одной стороны, остаются основополагающими, являются реальными целями создания общенациональной идеологии, а с другой – как и прежде, не достигнуты, во всяком случае в достаточной, удовлетворительной мере, степени. Несмотря на последнее обстоятельство, следует отдавать себе отчет в том, что к достижению указанных, вполне реалистичных, а не надуманных целей нужно стремиться в настоящем и будущем и национальная идеология необходима именно для этого.

Эти идеи так и не получили своего концептуального оформления, так и оставшись своего рода идеями-ориентирами. А.А. Акаев под впечатлением успешного развития ряда азиатских стран – Японии, Южной Кореи, Тайваня и др. – так называемых «азиатских тигров» предложил, выдвинул идею воспроизведения их экономического опыта. При этом совершенно игнорировались такие объективные вещи, факторы, как культурное, ментальное, историческое, географическое и прочие различия между народом Кыргызстана и ими. Очевидно, что данная идея (или идеи) была обречена на провал. Следующая идея воспроизведения турецкого экономического опыта, а в качестве основы для возможности использования опыта Турции был взят лингвистический и, возможно, религиозный факторы. Турция, движимая, по всей видимости, идеей восстановления или, вернее, создания новой Османской империи, существенно активизировала свою внешнюю политику в Центральной Азии, чтобы облегчить себе доступ к богатым и дешевым природным ресурсам региона. Поэтому под турецкую идею была приспособлена идея экономического и политического опыта Турции Кыргызстаном. При этом руководством республики были проигнорированы геополитический, исторический и ментальные различия турецкого и кыргызского народов. Когда стало очевидно, что турецкая модель развития не вполне пригодна для нашего комплекса условий, возникла идея превращения Кыргызстана во вторую Швейцарию на основе ландшафтного сходства обеих стран. Справедливости ради надо сказать, что данная идея не была совершенно бесплодной. Туризм необходимо и выгодно развивать в Кыргызстане, поскольку богатые и

разнообразные природные и ландшафтные условия в нашей республике позволяют получать экономическую выгоду. Однако, имея в виду выгодное географическое положение Швейцарии, сосредоточение в ней огромных финансовых ресурсов, очень развитую инфраструктуру, которая выстраивалась в течение двух-трех столетий, нам едва ли удастся, во всяком случае в обозримом будущем, превратиться во вторую Швейцарию. Очередная идея А.А. Акаева потерпела очередное фиаско, поскольку был проигнорирован ряд существенных факторов, как это случалось раньше, и вновь идея носила исключительно декларативный характер.

Последняя попытка в период правления А.А. Акаева сформировать если не новую идеологию, то по крайней мере некоторую идеологическую основу, была связана с так называемыми «Семью заветами Манаса», которые на деле представляли собой семь кратко изложенных принципов сосуществования, общежития, а именно (приводим их в том виде, в котором они были сформулированы и представлены для публичного обозрения):

- единство и сплоченность нации;
- межнациональное согласие, дружба и сотрудничество;
- национальная честь и патриотизм;
- через кропотливый, неустанный труд и знания к процветанию и благосостоянию;
- гуманизм, великодушие, терпимость;
- гармония с природой;
- укрепление и защита кыргызской государственности.

Вместе с отстранением от власти А.А. Акаева в прошлое ушли, по сути, и «Семь заветов Манаса», поскольку эти заветы были не то, что бы целиком надуманные и искусственные, но, во-первых, заветов, по всей видимости, было значительно больше, и они, очевидно, были приспособлены для выживания в совершенно в иных исторических, культурных и геополитических условиях, другими по своим ментальным, психологическим особенностям людьми, и, во-вторых, эти заветы были рассчитаны исключительно для древних кыргызских родов и племен. То, что сделали, если так можно сказать, идеологи периода правления А.А. Акаева, на деле представляло собой довольно нелепую попытку грубо и избирательно извлечь из исторического опыта

выживания кыргызов некоторые принципы и адаптировать их к современным условиям. Моноэтническая по своей сути и форме идеология и опыт выживания, естественно, не выдержала испытания во многом новых исторических условиях, не говоря уже о том, что в свое время Манасу, если исходить из того, что он был реальным историческим лицом, так и не удалось объединить многочисленные разрозненные кыргызские роды и племена.

Таким образом, все попытки создания национальной идеологии в период правления первого президента нашей республики не умели успеха, поскольку в каждой очередной такой попытке в той или иной степени игнорировалась реальность или, вернее, определенная существенная ее часть, что неизбежно обрекало предложенные идеи, какой бы внешней привлекательностью они не обладали, на пустословие.

В связи с множеством попыток обращения современных философов, политологов, культурологов и историков к историческому опыту кыргызского народа в качестве примера или образца для интеграции различных этнических групп в Кыргызстане в единое гражданское общество, как нам представляется, мягко говоря, не вполне оправдано, поскольку это главным образом отрицательный опыт. Поясним, что мы имеем в виду.

Кыргызы, как известно, подавляющую часть своей истории, будучи классическим кочевым этносом, существовали в виде хозяйственно и политически совершенно автономных родов и племен, которые редко образовывали государство. Видеть в этой ментальной и исторической особенности кыргызского народа какую-то отрицательную черту, недостаток, используя для такой оценки современные критерии, неоправданно, нелогично, неразумно и несправедливо, поскольку именно кочевой образ жизни позволил кыргызам не сойти с исторической сцены, выжить, особенно если иметь в виду, что многие оседлые народы и даже целые когда-то могущественные империи исчезли с лица Земли. Можно перефразировать известную мысль Ф. Ницше, что «все, что не убивает меня, делает меня сильнее», и применить ее по отношению к народам в следующем виде: «В сложном, противоречивом и нередко, историческом процессе для любого народа важно выжить и со-

хранить свой язык и себя именно как данный народ, и все, что помогает сделать это, подтверждает правильность избранного пути и способов выживания, а все остальное является, по сути, второстепенным». Другими словами, если народ выжил и сохранил себя, то он прав в избранных им средствах и способах выживания, если же не выжил, то допустил роковые для него просчеты. Идеология же в этом случае – если ее трактовать как некоторую совокупность характерных «идей, мифов, преданий», с помощью которых «конструируется» реальность, создается идеальный ее образ, – выступает как необходимый инструмент выживания, и критерием ценности этих идей является только то, в какой степени они способствуют выживанию и сохранению себя как отдельной самобытной культурной, лингвистической и ментальной единицы, сообщества.

По факту получается, что именно рассредоточенность кыргызских родов и племен, их кочевой образ жизни и практически полная хозяйственная и политическая независимость друг от друга помогли выжить этносу и сохранить свою культуру, самобытность и язык. Древним кыргызам, как известно, удавалось периодически создавать свое государство, которое исчезало, как правило, по двум основным причинам: первая – если внешние враждебные кыргызам силы превосходили по своей мощи силу кыргызских родов и племен; вторая – если внешняя угроза вообще исчезала, отсутствовала. А.А. Асанканов пишет в данной связи следующее: «Существенным фактором, способствовавшим возникновению государственности у кочевников, было отражение внешней опасности... Однако примеры из истории государства кыргызов и Кыргызстана указывают на один непреложный факт: возникающие при необходимости внешней опасности кочевнические государства обычно существовали недолго, как только внешняя опасность отражалась или устранялась, такие государства быстро распадались» [3, с. 173].

Известный советский и российский историк и востоковед-тюрколог С.Г. Кляшторный в связи с организационной спецификой кочевых империй писал следующее: «Создававшиеся кочевниками государственные образования ... отличались крайней неустойчивостью, низкой конфликто разрешающей спо-

собностью. Они не обеспечивали безопасность хозяйственной деятельности, более того порождали постоянные войны...» [4, с. 121]. Склонность кочевых империй к военным методам решения возникавших перед ними проблем объясняется милитаристским характером кочевых сообществ, обитавших на территории Великой степи, и необходимостью держать в подчиненном положении покоренные этими сообществами оседлые народы.

«История показывает, – пишет А.А. Асанканов, – что кочевнические государства могли существовать сравнительно долго только при том условии, если подчиняли земледельческие области и частично интегрировались в них» [3, с. 173-174]. Следует указать на то, что полная хозяйственная и культурная интеграция кочевых народов с оседлым населением государства зачастую на деле означала языковую и ментальную их ассимиляцию. Авторитетный советский археолог и востоковед А.Н. Бернштам указывал на то, что в процессе военных походов, предпринимаемых кочевниками, и их «приобщения к другим культурам совершенно неизбежно происходила утрата некоторых самобытных черт культуры» [5, с. 491]. Если же упомянутое приобщение длилось достаточно долго, то неизбежно возникала угроза полной утраты собственной культуры, а с ней и идентичности, к чему кочевые народы, в том числе кыргызы, относились как к чему-то совершенно нежелательному и таящему в себе опасность утраты языка и идентичности.

В эпосе «Манас» описан случай, когда верховный правитель Манас обращается к представителям различных кыргызских родов и племен, рассеянных на обширных просторах Центральной Азии, Афганистана, Западной Сибири, с целью убедить их переселиться к предгорью Ала-Тоо; среди множества слов содержатся следующие его слова:

«Качып барган кыргызда катаган,
тейит калкы бар...
Беш уруу кыргыз ооганда
(Афганда)
Бекзаадалар бар анда...
Бир чети бар кыргыздын
Хорасандын четинде
Бүтүн шыгай уруусу
Яркенд дарыя бетинде.

Букарадагы кыргыздар
 Өз тилинен айрылып,
 Тажик болгон жайы бар» [6, с. 188].
 Среди расселившихся кыргызов
 есть народы катаган и теит.
 Пять поколений кыргызов
 в Афгане...
 Один край кыргызов на рубеже
 Хорасана,
 Все племена шыгаи на берегу
 реки Яркенд.
 Кыргызы, жившие в Бухаре,
 Лишились своего языка,
 стали таджиками»

В приведенном монологе Манаса следует обратить внимание на три последние строфы, где речь идет о том, что кыргызы, жившие в Бухаре, лишились своего языка и стали таджиками. Таким образом, для древних кыргызов основным критерием в дихотомической паре «свой – чужой» был – и, по сути, остается по сей день – критерий языка.

Известный современный американский социолог М. Шадсон в связи с важностью языка в формировании сознания людей высказывает следующую очень содержательную мысль: «Важность языка вряд ли можно переоценить. Язык сам по себе уже есть основное средство человеческой коммуникации. Ведь это же такое средство, с помощью которого действуют все остальные средства массовой коммуникации. Никакое другое средство не пронизывает так глубоко все человеческое общение... Язык не нейтральное средство коммуникации, а объект культуры, несущей исключительно мощный заряд... это своего рода ширма, скрывающая реальность той культуры, в которой он используется и отражает согласие его носителей относительно того, что и как следует видеть. Выучить язык означает не только усвоить лингвистический код как таковой, но и получить доступ к накопленному фонду культурного опыта. Знание языка принимающего общества означает понимание не только его фонематических, синтаксических и семантических правил, но и прагматических» [7, с. 82-84]. В связи с данной мыслью следует указать на то, что фактически при каждой попытке создания общенациональной идеологии в Кыргызстане проблема кыргызского языка, его дальнейшей исторической

судьбы становится центральной и наиболее трудно разрешимой. И именно эта проблема до сих пор не нашла удовлетворительного своего решения. И буквально с каждым годом проблема это только усложняется в связи с объективным процессом глобализации, необходимостью интеграции Кыргызстана с целью выживания и обеспечения материального благополучия в крупные экономические, военные и политические образования, а также необходимостью развития научной естественной и гуманитарной мысли.

Сохранить свой язык и всего того, что теснейшим образом связано с ним, – ментальности, культуры, самости и т.д. длительное историческое время кыргызам удавалось главным образом за счет кочевого образа жизни и рассеянности множества кыргызских родов и племен на огромных территориях. Известный кыргызский философ и историк Б. Аманалиев указывает на следующий факт: «Социальные отношения киргизского общества XIX в., в составе которого насчитывалось около сорока племен, представляли собой чрезвычайно сложное явление. Переход от имущественных отношений патриархального родового уклада к имущественным отношениям феодализма в Киргизии был длительным» [8, с. 3].

Однако относительно свободных, пригодных для жизни территорий становилось все меньше в связи с бурным количественным ростом соседних с кыргызами народов. В результате южные кыргызские роды и племена в середине XIX века вошли в Кокандское ханство, а часть северных – несколько позже в состав Российской империи, а в 1876 году, когда было упразднено Кокандское ханство, и южные кыргызы стали подданными Российской империи. С этого времени начинается процесс радикальной модернизации кыргызского народа, который значительно ускорится в советский период истории. Условия жизни кыргызов изменятся настолько существенным образом – в частности, произойдет полный и необратимый их переход к оседлому образу жизни и будет запущен процесс создания кыргызской нации, что в корне изменит их прежнюю цивилизационную парадигму, – что будет невозможным оставаться в пределах резко устаревших идеологических принципов и установок. Так, в условиях советской власти прежний, действовавший тысячами

принцип войны всех со всеми, уйдет в тень, а взамен в жизнь войдет новый – дружбы народов, о котором Токтогул Сатылганов писал:

Мы друг друга любить должны,

От рожденья люди равны.

Нет людей особой породы.

Будьте, братья мои, дружны! [9, с. 169]

С момента распада СССР и по сей день в научной среде стало признаком хорошего тона подвергать предвзятой критике советскую политическую и социально-экономическую систему, выискивать в ней исключительно изъяны, что, по нашему мнению, не только не всегда справедливо и научно объективно и достоверно, поскольку наряду с определенными недостатками советской системы и идеологии им – системе и идеологии – было свойственно множество и положительных черт, и последних было достаточно много.

С отстранением А.А. Акаева от власти и приход к ней нового президента К.С. Бакиева попытки формирования общенациональной идеологии возобновились. В 2007 году вышел в свет интересный во многих отношениях документ под названием «Развитие через единство. Общенациональная идея Кыргызстана», представляющий собой, по сути, попытку сформулировать общенациональную идеологию и представить ее в более или менее концептуальном виде, попытку, которая, как и все предшествующие, была обречена на неуспех, неудачу, поскольку в документе его авторы пытались соединить не только несоединимое, но и, по сути, взаимоисключающее и взаимоотрицающее. Так, в документе говорится, что некоторые «народы вплотную подошли к реальной опасности потери своего языка, культуры, традиций и обычаев, которые в целом определяют этнонациональную особенность» [10, с. 57]. «Если язык не развивается, угасает, то и дух также падает и угасает. Тогда и нация перестанет существовать. Если сохраним и будем развивать свой язык, то и мы, как кыргызский народ, как нация будем существовать... Таким образом, в условиях глобализации суть идеи национального возрождения заключается в сохранении и всемерном развитии кыргызского языка в условиях полиэтнического и поликультурного многоязычия нации кыргызстанцев» [10, с. 59]. Суть же глобализации, ее конечная если не цель, то во всяком случае итоговый результат состоит в том, что глобализация должна привести к всемирной экономической, политической, культурной интеграции и унификации [11].

Библиографический список

1. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
2. Смирнова Е.В. Функции идеологии в современном обществе // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 1. – С. 288-292.
3. Асанканов А.А. Особенности формирования и развития государств Центральной Азии (на примере государств кыргызов) // Проблемы политогенеза кыргызской государственности: Документы, исследования, материалы / Под ред. Д. Джунушалиева, А. Какеева, В. Плоских. – Бишкек: АРХИ, 2003. – С. 161-176.
4. Кляшторный С.Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников в Центральной Азии // Проблемы политогенеза кыргызской государственности: Документы, исследования, материалы / Под ред. Д. Джунушалиева, А. Какеева, В. Плоских. – Бишкек: АРХИ, 2003. – С. 115-125.
5. Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Сост.: К. Ташбаева, Л. Ведутова. – Бишкек: Айбек, 1997. – Т. I. – 702 с.
6. Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Бишкек: АРХИ, 2003. – 480 с.
7. Шадсон М. Культура и интеграция национальных обществ // Международный журнал социальных наук. – 1994. – №3. – С. 82-90.
8. Аманалиев Б. Общественная психология и религиозные предрассудки. – Фрунзе: Илим, 1970. – 85 с.
9. Токтогул Сатылганов. Избранное / Пер. с кирг. Ю. Гордиенко и др. – Фрунзе: Кыргызстан, 1964. – 278 с.
10. Развитие через единство. Общенациональная идея Кыргызстана. – С. 57.
11. Глобализация. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Глобализация>.

FORMATION OF THE IDEOLOGY OF MODERN KYRGYZSTAN

R.D. Stamova, *Doctor of Philosophical Sciences, Professor*

**Institute of Philosophy named after Academician A.A. Altmyshbaev of the National Academy of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan, Bishkek)**

***Abstract.** Since the collapse of the USSR and the acquisition of sovereignty by Kyrgyzstan, as well as by all other post-Soviet republics, the newly formed republic faced the challenge of creating a political and economic environment conducive to development and prosperity. Attempts to abruptly switch to a market-based system of relations were not only fruitless and unsuccessful, but also had a counterproductive effect in the first two or three decades, resulting in a sharp economic downturn, the impoverishment of a significant portion of the country's population, the criminalization of society, the intellectual and spiritual disorientation of a large segment of the population, and a lack of faith in the reform processes. The article analyzes attempts to form a national ideology in Kyrgyzstan and the reasons why this has not been achieved to date.*

***Keywords:** ideology; national ideology; language; globalization; national idea.*